

НИКИТА ШАПОВАЛ

Система общественных наук¹

Abstract

In the fragments taken from the “Social Science System and Sociography (Nationality Science)” book of M.Shapoval, the author substantiates his understanding of a social event by criticizing the ideas about society which existed at that time, in particular the organizational theory of society (very popular at that time). Regarding a social event as human inter-relations, M.Shapoval sets the following ‘logical categories of sociality’ as prior: people, factors, activity and product.

2. Общественное явление

Подобно тому, как исходной точкой анализа в химии является атом, в биологии — клетка, так в общественной жизни должно быть исходной точкой понятие взаимодействия, взятое в одном моменте, или иначе — социальный акт.

Пока человечество живет, до тех пор взаимодействие людей не прекратится, поэтому основным социологическим понятием будет понятие взаимодействия, элементы которого и послужат логическими категориями взаимодействия, которое общепринятое словупотребление обозначает как социальное явление или явление социальности.

Вопрос о логических категориях, от решения которого зависит не только судьба социологии как науки, но и степень нашей духовной культуры:

¹ Публикуется по: Шаповал М. Система суспільних наук і соціографія (народознавство). — Прага, 1932. — Ч.2. — Розд. 2, 3.

либо мы наконец познаем общественную жизнь научно, либо останемся на уровне современного, узкого эмпиризма, то есть знания ненаучного, далекого от реального понимания действительности, каким бы возвышенным тоном философской спекуляции мы его ни называли.

В науке представлено так много разных пониманий “социального явления”, пониманий, взаимно исключающих друг друга, так много накоплено противоположных по содержанию теорий, что разобраться в этом хаосе непросто, и это по меньшей мере требует больших затрат времени. Разумеется, и изучение ошибок научно полезно и просто неминуче: на критике ошибок вырастает научная правда.

Какие понимания социальности были или есть в научной литературе? Для этого нужно всего лишь заглянуть в исторические обзоры социологической литературы, чтобы попасть в величайший водоворот противоречий и противоположностей. На данный момент можно порекомендовать для ознакомления с вопросом, помимо бесчисленных учебников и систем социологии — обзоры: Н.Кареев — “Введение в изучение социологии” (1897 и 1907), М.Ковалевский — “Современные социологи” (1905) и “Социология”, т.1: “Исторический очерк развития социологии” (1910), В.Хвостов — “Социология”, т.1: “Очерк исторического развития социологических учений” (1922), Fausto Squillace — “Le dottrine sociologiche”¹ (1902, нем. “Die sociologischen Theorien”, 1911), Paul Barth — “Die Philosophie der Geschichte als Sociologie”, I: “Grundlegung und kritischen Übersicht”² (4-е изд., 1922), P.Sorokin — “Contemporary Sociological Theories”³ (1928), E.Chalupnoj “Dejiny sociologie”⁴ (1922); мою работу “Sondoba ukrajinska sociologicka myslenka a prace”⁵ (в “Sociolog. Revue”, 1930–1931), С.Солнцев — “Введение в политическую экономию” (Петроград, 1923, ч.II).

Что мы из этого узнаем?

От одних социологов (Спенсер, Лилиенфельд, Шефле, Вормс, Душек и др.) мы узнаем, что социальное явление есть явление “органическое”, поскольку общество аналогично или даже тождественно биологическому организму: как в организме каждое движение связано с функциями его органов, так и каждое общественное явление — это функция социального организма. Хотя “органистическая” школа в социологии дискредитирована, тем не менее она успела сильно привить понятие “органичности” общественных явлений в словарный оборот даже людей “с высшим образованием”: кто притворяется знатоком “глубин социальной жизни”, тот обязательно скажет вам о вещи, о явлении, которого ни он, ни вы не понимаете, что здесь

1 Фаусто Сквиллаче — “Социологические концепции” (итал.).

2 Пауль Барт — “Философия истории как социология”, I: “Основные положения и критический обзор” (нем.).

3 П.Сорокин — “Современные социологические теории” (англ.).

4 Э.Халупный — “История социологии” (чеш.).

5 “Современная украинская социологическая мысль и труды” (в “Социологическом ревью” 1930–1931) (чеш.).

очевидна “органическая связь”¹. В довоенной литературе довольно часто “доказывалось”, что Австро-Венгрия является “организмом”, так как в данное время в русской литературе доказывалось, что и старая Россия была “организмом”, СССР — это “организм” (об этом говорят и большевики, и Станкевич в “Судьбах народов России”, и П.Милюков в “Национальном вопросе”, и ген. Деникин). Когда такие люди пишут “научное произведение”, то они употребляют понятия организма как характеристику социального явления. Таким образом, логической категорией социального явления, по их мнению, является “организм”. Не нужно доказывать, что с реальностью это не имеет ничего общего и что “аналогия” общественного взаимодействия с взаимодействием органическим привела к абсурдному утверждению.

“Аналогия”, которая ничего не объясняет. Война, революция, конкуренция, выборы, законодательство, симфонический концерт, лекция профессора, издание книг, аптека, железная дорога и т.п. — Каковы “анalogии” их в организме? Исторически возникающие явления, которых раньше не было, хоть и “рождаются”, но органичны ли они?

Появление изобретений (машины, радио, граммофон, самолеты и т.д.) “органичники” должны были бы назвать рождением из общественного организма. По аналогии с биологическим организмом и общества, нации, республики у них бывают “молодые”, потом “зрелые”, затем “старые”.

Укр. доц. д-р К.Коберский совсем недавно издал труд “Предприятие как организм” (см.: “Записки Укр. господарської Академії в ЧСР”, т.1, 1927, с. 155–174): “С появлением крупных предприятий жизнь настойчиво выдвигает проблему внутренней организации предприятия — этой наименьшей клетки народного хозяйственного организма”. Новейшее предприятие отделилось от самого собственника и руководствуется логикой “своей собственной жизни, не связываясь органически с домашним хозяйством своего хозяина”. Короче говоря, “предприятие есть нечто отдельное от предпринимателя, нечто такое, что живет собственной логикой, одним словом, организм”. Д-р Коберский различает конгломераты, механизмы и организмы и указывает, что “механизм является проявлением внешней телеологии природы, организм — внутренней телеологии жизни”. Организм отличается от

¹ Органическая (организмическая) теория общества, суть которой в тезисе: “Общество — это организм”, не изжита по сей день. Она служит основанием для разных политических и идеологических построений спекулятивного плана. В частности ее, практически в той же форме, в которой ее развенчивал Н.Шаповал, часто эксплуатируют применительно к межгосударственным и межнациональным отношениям на территории бывшего СССР: “СССР был живым организмом”, “Россия — единый организм” и пр.

Примечательно, однако, хоть и несколько странно, что эта теория, научная несостоятельность которой была аргументированно доказана социологами еще на рубеже XIX и XX веков и затем не раз убедительно подтверждалась (в том числе и Н.Шаповалом), ренасцируется сейчас в кругах украинских ученых-обществоведов. Она мелькает на страницах даже солидных коллективных научных работ фундаментального характера, подготовленных институтами Национальной Академии наук Украины, в частности: “Этнос и социум” (К., 1993), “Мала енциклопедія етнодержавознавства” (К., 1996). Их авторы предлагают производные от органической теории концепции этнополитического организма и этносоциального организма и без необходимых предостережений снова вводят органицистический подход в научный оборот, и более того — пользуются им как методологией, некритически репродуцируя концепцию известного советского обществоведа Ю.Бромлея.

механизма в основном тем, что имеет свою волю и сам ставит себе цель. Коберский опирается на “дефиниции” организма и механизма Канта в передаче современного социолога Я.Готтгайна, который приходит к “выводу” о том, что человеческие коллективы являются организмами, если не в буквальном, то в переносном смысле, потому что... отвечают основному требованию Кантовой теории организма: “Целевое скопление является проявлением свободы. Наличие цели не является тут следствием; сама цель имеет творческую силу. Когда эта цель дана извне, когда она обязует и движет отдельные части, тогда имеем дело с механическим производением (аппаратом); когда же цель исходит от самих частей — имеем дело с организмом”. Д-р Коберский, кроме Канта и Готтгайна, обращается еще к произведениям О.Гертвига (“Der Staat als Organismus”¹, 1922) и выводит из них разные “законы”.

“Предприятие quasi-химическим способом изменяет субстанцию благ, переоценивая их на деньги, аналогично тому, как желудок преобразует пищу в кровь” (с.162), словом, “предприятие действительно является хозяйственным организмом”, отличающимся от учреждений тем, что учреждения не являются организмами.

“Органическая теория общества, — пишет К.Коберский, — вызвала резкую критику в социологии, однако, несмотря на это, она постоянно оживает. Самый сильный удар противникам органической концепции наносит именно современная жизнь, насквозь пропитанная духом “организации” и групповых организмов в обществе”.

В самом деле! “Alles will sich heute organisieren”², — подхватывает Коберский аксиому “известного юриста” проф. Гедемана.

И хотя предприятие как организм напоминает “конституционную монархию”, однако в нем случаются кризисы. Обратившись за помощью к истории, Коберский предполагает, что как политическое, так и хозяйственное строительство сводится к трем типам: “тип неупорядоченного конгломерата, тип упорядоченного, но механизированного аппарата и тип органического строительства”. Примеры? О, примеры имеются. Вот он называет *конгломераты*: “индивидуальное натуральное хозяйство, рассеянная система жилищ в древности и т.п.; *механизмов*: государство Ал.Великого, Чингисхана, старая Россия; хозяйство римского оптимата³, феодального владельца и т.п.; *организмов*: родовой племенной избирательный строй, в определенной мере аристократические республики, современные демократические республики, родовое хозяйство, цех, кооператив и т.п.” (с.173).

Такова градация человеческих коллективов, которые превращаются в организмы на основании трех “законов”: “интеграции, корреляции и сохранения сил”. Причем сделать из предприятия механизм или организм — зависит от руководителей предприятия и всего персонала.

По мере роста гуманизма, демократии и моральных факторов механизмы превращаются в организмы.

Как происходят эти чудеса в решетке — не понятно из работ не только К.Коберского, но и Готтгайна, Гертвига, Канта и всех тех авторов, книги

¹ “Государство как организм” (нем.).

² “Все ныне стремится к организации” (нем.).

³ Оптимат— представитель высшей знати в Римской империи.

которых читал наш социолог. Во всяком случае тут до социологии еще далеко, поскольку преобладает чистой воды... социальная мифология.

Сколько людей портят аналогии!

Обратимся ко второй стороне.

Г.Штамлер (“Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung”¹, 1896) считает, что для возникновения социального явления не достаточно психологического взаимодействия: чтобы взаимодействие превратилось в социальное явление, нужно, чтобы был элемент внешнего регулирования (права): “социальная жизнь — это внешним образом установленная общая жизнь людей; внешний порядок, правовой порядок — это единственный признак социальной жизни; внешнее регулирование и нормирование — вот специфический признак социального”. Этот труд развивает точку зрения о разделности формы и содержания, принимая, что право является формой экономического содержания. Право и экономика как форма и содержание — это недопустимая метафизика, поскольку она ничего не объясняет. Форма является понятием пространственным, но какое же “пространство” в социальном явлении? И какое отношение имеет экономика к праву как содержание относительно формы? Это все из области мифологии. Право — это единственный признак социальности? А революция разве не социальное явление — ведь она разражается, как нарушение права, без внешнего регулирования? Вооруженная шайка действует как общественное явление, но где тут внешнее регулирование, право, когда деятельность шайки является отрицанием права? Право — это творение общественного процесса и вовсе не как “форма” только лишь экономического явления. Что нельзя иметь сразу трех женщин в Европе (или совсем недавно “можно” было в Турции) — это правовые нормы, но разве это экономическое понятие — иметь или не иметь женщину? А убийство, запрещенное правом? Какое экономическое содержание в этой правовой “форме”? Социальность есть и там, где нет права. Гумплович (“Социология и политика”, 1895) усматривает социальность только там, где есть организованность. Неорганизованная толпа вроде бы не “социальное явление”, даже если она совершила войну или революцию? Та же лингвистическая группа, экономический класс сами по себе неорганизованное скопление, но тем не менее — это социальные явления.

Интересную теорию социального явления выдвигает Э.Дюркгейм (“Les Regles de la Method sociologique”², 1919, 6-е изд.). Прежде всего, социальное явление не относится к порядку ни органическому, ни психическому: “Ils constituent donc une espece nouvelle et c’est a eux que doit etre donnee et reservee la qualification de Sociaux”³ (с. 8). Социальная жизнь проявляется объективно: право существует в кодексах, порядок повседневной жизни записывается в статистические таблицы, исторические памятники, моды воплощаются в нарядах, вкусы в произведениях искусства (с. 39). Поэтому Дюркгейм вывел свое первое правило: рассматривать социальные факты как вещи — “*comme der choses*” (с. 20). Таким образом, под социальными

1 “Хозяйство и право в соответствии с материалистическим пониманием истории” (нем.).

2 “Правила социологического метода” (фр.).

3 “Они, таким образом, образуют новый род, который призван служить данными и базой для определения социального” (фр.).

фактами Дюркгейм понимает творения, “продукты” социального процесса, поэтому они и имеют собственное, независимое от индивида, существование (“une existence propre, independante de ses manifestations individuelles”¹, с. 19). Они имеют для индивида принудительное значение нажима как совокупность социального окружения, давящая на индивида всей своей массой, массой своих модусов поведения, установленных коллективом. “On pet en effet, sans denaturer le sens de cette expression, appeler institution, toutes les croyances et tous les modes de conduite institues par la collectivite; la sociologie peut alors etre definie: la science des institutions, de leur genese et de leur fonctionnement”² (ст. XXIII предисл. ко 2-му изданию).

Мысль Дюркгейма полностью погрузилась в явление творений и постоянных коллективов, в окружение, поэтому задачей социологии он считает изучение институтов как существующих помимо воли и сознания индивида социальных фактов.

Идея Дюркгейма об объективации как явлению сугубо человеческом и общественном чрезвычайно трудна для понимания социального явления, поскольку творения превращаются в факторы поведения людей, а понятие творений не соразмерно с объемом понятия факторов, оно гораздо уже его: факторами поведения людей являются не только творения, но и космические и биологические факторы и — вопреки Дюркгейму — и психические, как увидим дальше. Как увидим позже, процесс объективации у разных общественных объединений разный и никогда не бывает такого, чтобы право объективировалось в кодексах, а повседневная жизнь в статистике, мода в костюмах, вкусы в искусстве (жизнь неграмотных вообще, крестьян и рабочих в частности, в свете “объективации” представляется убогой). Ценная мысль Дюркгейма затрагивает лишь один момент социальности, однако Дюркгейм не представляет всех категорий социального явления, как и Штамлер и Гумплович, не говоря уже об “органицистах”, которые вместо научного понятия социальности преподносят нам поэтический образ, метафору, лишенную научного содержания. Своеобразное понимание социальности встречаем у людей, которые для социального явления находят только философские дефиниции, нечто вроде того, что социальное явление — это отношение частей, связанных функционально, к целому (О.Шпанн), но под такую дефиницию можно подвести и функциональную связь частей механизма, по образцу машин. В чем различие между машиной и обществом — из этой дефиниции понять нельзя. И дефиниция А.Аммона, утверждающего, что социальным отношением следует называть отношения, в которых воля и поведение одного индивида обуславливаются волей и поведением другого индивида. Подобные дефиниции нерасчлененного на логические категории социального явления суть философические афоризмы, а не научные определения явления.

К этому разряду относятся и дефиниции, исходящие из лагеря марксизма. Например, ученый-марксист, проф. С.Солнцев определяет “социальное явление как объективируемое гетерогенное отношение, возникающее

¹ “[Социальным фактам присуще] собственное существование, независимое от их индивидуальных проявлений” (фр.).

² “Действительно, можно, не опасаясь исказить смысл этого высказывания, назвать институты, все верования и манеры поведения, установленные коллективом; социологию, таким образом, можно определить как науку об институтах, их происхождении и их деятельности” (фр.).

между людьми на основании общей обусловленности и развивающееся с исторической неизбежностью и стихийной закономерностью” (С.Солнцев. Введение в политическую экономию, Петроград, 1923, часть III, с. 61–62).

При более пристальном рассмотрении видим, что проф. С.Солнцев имеет в виду объективное существование творений: “объективация социального явления проявляется прежде всего в самостоятельном существовании над и вне индивидуального сознания”, в чем, якобы, и заключается разница между социальным и психическим явлением. Короче говоря, понятие социального сводится к творению как фактору (“правовое отношение воплощается в законе, экономическое в товаре и т.д. ”, с. 59).

Второй чертой социального явления Солнцев считает гетерогенность (разнородность, в смысле противоречие), то есть попросту социальным явлением у него оказывается только явление антагонизма. Кропоткин доказывал, что социальное — это “взаимная помощь”, Бугле доказывает, что — “солидарность”, при этом приводится масса примеров в пользу этих взглядов, однако Марксова школа считает, что антагонистическое явление является социальным, а солидаристическое — нет:

“Семья как слишком (?) сплоченная группа индивидуумов, слишком (?) органически-тесно объединенная, представляет собою тип скорее общинной, коммунально-товарищеской организации, чем гетерогенной, общественной. Внутри семейной ячейки в семейных отношениях нет социально-обусловленных связей. Семья — часть общественного целого, такая же, как отдельный индивидуум. Отношения семейные, поэтому, — отнюдь не социальные отношения” (Солнцев, с. 64).

Видите, коммунально-товарищеская организация не является социальным отношением, а каким же? Явление психического взаимодействия, солидарности, но не социальное, ведь социальное должно быть антагонистическим. Поскольку коммунизм — это теоретически развернутое понятие семьи (не будет разделения труда, учета стоимостей, обмена), то в коммунистическом обществе не будет... социальных явлений.

Солнцев не считает социальным явление, когда мальчишки дерутся на улице, двое играют на фортепьяно в четыре руки, когда семья ужинает, люди в трамвае и т.п. Проф. Солнцев, помимо главных, указывает и на другие признаки социального явления: закономерность, историчность (изменяемость во времени), релятивность (изменяемость в пространстве), необходимость, прогрессивность (переход от менее совершенного к более совершенному), иррациональность.

Автор последовательно переходит к убеждению, что когда в обществе будет все делаться сознательно, планомерно, предсказуемо, то в нем социальность исчезнет, такое общество будет несоциальным, и человеческая история завершится (с. 61). Указывая на то, что социальное явление — это историческая категория, он не анализирует его, не раскладывает на элементы (логические категории), а отмечает лишь его стороны: социально-продуктивную (создание материальных благ, изучает политическая экономика), политически-правовую (правовые и политические отношения), религиозную, этическую и др. Эти “стороны” выступают объектом исследования разных наук, поскольку одна наука обо всех социальных явлениях невозможна (автор игнорирует тот факт, что существует социология!).

У другого марксиста, Н.Бухарина, встречаем в его “Историческом материализме” в нескольких местах выражения, которые нужно понимать как якобы дефиницию общественного явления, например:

“Общественный продукт (общественное явление) господствует над людьми” (с. 32).

“Общественные явления получаются из скрещивания индивидуальных волей, чувств, действий и т.д.”

“Общественные явления определяют собой в каждый данный момент волю отдельных людей” (с. 32).

“И язык, и политическое устройство, и наука, и искусство, и религия, и философия, и целый ряд более мелких явлений и частных, вроде моды, обычаев, правил приличия и т.д. и т.п. — все это продукты общественной жизни, результат взаимодействия людей, их непрерывного общения” (с. 83).

“Действия, чувства, желания любого человека входят как составная часть в общественное явление” (с. 85).

Из этих фраз можно заключить, что общественное явление — это продукт взаимодействия психического (против чего так возражает Солнцев!). Согласно Бухарину, и “общество — это широчайшая система взаимодействующих людей, охватывающая все их взаимодействия и опирающаяся на трудовую связь” (с. 78).

Трудовая связь здесь выступает ограничением, поскольку вне ее остается еще огромная часть взаимодействий на почве размножения, познания, религиозных, художественных и других переживаний.

Рассматривая общество как совокупность частей, Бухарин высказывается в духе средневекового реализма: “Общество как целое больше суммы своих частей” (с. 81) и снова утверждает то же самое (с. 82).

Метафизичность размышлений марксистов приводит даже такого теоретика, как Бухарин, к логически-абсурдной мысли, что сумма может превышать свои составляющие. Касаясь процесса формирования цены, он снова удивительным образом утверждает, что “это (цена) есть нечто независимое, с чем нужно считаться; нечто объективное, хоть и не материальное”, “нечто новое, живущее своей отдельной общественной жизнью и даже независимое от отдельных людей” (с. 83).

Понятие чего-то объективного, независимого от людей, хоть и нематериального, здесь вызывает удивление: неужели Бухарин верит в существование нематериальных субстанций? Это идеализм наихудшего сорта.

Из учебника марксовской социологии, как называется книга Бухарина, узнать о логических категориях общественного явления нельзя.

Само собой разумеется, что и у Маркса общественное явление как “производственное отношение” еще менее ясно, чем у его научных интерпретаторов — Солнцева, Бухарина и др.

3. Логические категории социального явления

Можно было бы продолжить обзор “теорий” социального явления, однако никакого выхода из тупика мы не найдем ни в одном из так называемых “общих взглядов”: это более или менее остроумные философично абстрактные фразы, пророчества, афоризмы, которые все-таки не приближают к нам реальное явление. В большинстве своем современные социологи стоят на том, что социальное явление есть явление человеческого взаимодействия,

однако расходятся в том, как понимать предмет социологии, то есть расходятся в том, как нужно и в чем конкретно видеть социальное явление. Далее приведенные примеры убедительно свидетельствуют об этом. Мы абсолютно обошли указания психологов, которые считают социальное явление обычным психическим переживанием в целом или в отдельных проявлениях (как, напр., Тард, который определение социального явления сводил к афоризму “общество — это подражание”). Безграничная путаница понятий просто приводит в уныние человека, приступающего к изучению общественной жизни то ли путем специальных общественных наук (полит. экономии, правоведения, лингвистики, литературоведения и др.), то ли с помощью всеобщей науки об обществе (социологии).

Лавировать в этом бурном море противоречивых теорий — предоставим любителям цитат, а сами непосредственно обратимся к рассмотрению попыток определить содержание конкретного социального явления в понятиях науки. Для этого нам придется в первую очередь обратиться к трудам д-ра Эмиля Халупного, единственного в современной Европе социолога, который попытался выстроить собственную систему социологии на реалистическом понимании социального явления.

По Халупному, “социология является наукой о цивилизации или культуре” (“Система социологии в очерке”, 1927, изд. Укр. Социол. Института), из чего Халупный делает ряд выводов. Первое — элементы культуры. Их Халупный насчитывает три: факторы, действия и творения.

“И археология, и история изучают остатки с древних времен — оружие, орудия труда, захоронения, рисунки и т.п. или здания, письменные произведения, статуи, памятники; государства, законы, обычаи, системы религии и философии, научные изобретения. Что изучает история, то считаем цивилизацией (или культурой) современной эпохи, поскольку находим и в ней то же самое. Одним словом, эти проявления жизни называем: человеческое творения (Lester Ward — achievement)¹, материальные и духовные. К этому следует добавить все, чего достигло человечество путем охоты и приручения животных, растений, то есть культивированием организмов”.

Чтобы это делать, нужна человеческая деятельность, действия, физические и духовные, а для действий необходимы побуждения или факторы. Факторами цивилизации прежде всего являются сами люди, индивиды и сообщества, во-вторых — сами человеческие творения, в-третьих — природа (расы, племена и другие природные деления).

“Следовательно, элементами цивилизации являются: 1) факторы, 2) действия, 3) творения. Это деление простое, вполне понятное, и вместе с тем логически полное. Фактор вызывает действие, действие образует творение, а творение снова может оказаться фактором, ведущим к дальнейшему возникновению действий и творений, и так далее. Линия взаимодействий этих трех составляющих постоянно идет в одном направлении и не затрагивает ни одного элемента, кроме этих трех. Каждое социологическое явление, каждое социологическое проявление — это либо фактор, либо действие, либо творение, или же их комбинированное сочетание. Четвертого элемента помимо этой тройки нет” (“Система социологии в очерке”, с. 20).

¹ Лестер Уорд — достижение (англ.).

Насколько выгодно отличает эта логическая простота и прозрачность мысль Халупного об общественном явлении и его элементах от того, что мы приводили раньше!

Для понимания положения Халупного нужно заранее заметить, что он категорически не довольствуется ограничением предмета социологии так называемыми явлениями “социальными”, под которыми понимаются явления групповой жизни в противовес явлениям индивидуальным; это скорее явления межиндивидуальные, ассоциативные. Если бы наука фактически ограничилась этими явлениями, то общая социология была бы невозможной. На основе рассмотрения того, чем занимались Конт и Спенсер, основоположники социологии, Халупный делает вывод о том, что фактически они (и последующие исследователи) охватывали широкую сферу всего взаимодействия людей и его последствий, весь объем общественной жизни, всю цивилизацию и культуру, поэтому Халупный предлагает считать предметом социологии не только явления “социальные” (групповые, ассоциативные), а весь объем общественной жизни, то есть цивилизацию (или культуру). Он хотел бы и соответствующую науку называть просто наукой о цивилизации, но распространенность слова “социология” заставляет его употреблять этот термин, в котором заложена тенденция ограничения “социальности” — давая ему новое толкование, включая в него более широкое содержание. Потому-то и явление общественной жизни он называет социологическим, а не социальным.

Чтобы считать предметом социологии всю культуру — в этом Халупный не одинок: напр., В.Освальд для изучения явлений культуры предлагал название науки “Культурология”, но кроме названия — дальше не пошел. Халупный же создал грандиозную систему “культурологии”, которую он все же называет социологией, выводя социологию из тупика философской спекуляции, колебаний, словесного тумана, выстраивая ее как высшую общую абстрактную науку обо всем объеме общественной жизни, или по-нашему — во всем объеме общественного взаимодействия.

Наиболее важной я считаю его знаменитую формулу “социологического явления”, то есть установление им логических категорий общественного явления: факторы, действия, творения.

Да! Вглядываясь в реальную общественную жизнь, мы вынуждены сказать себе: люди взаимодействуют; понятие взаимодействия охватывает весь объем общественной жизни. И если каждую совокупность мы можем понять путем методического изучения отношений между ее частями, то есть части понять в их отношениях к целому, а целое понять во взаимодействии и связи частей, то единственный логический путь к изучению общественной жизни: анализ явления взаимодействия, разделение его на части, исследование его — описание, классификация, система!

Халупный устанавливает три категории социологического явления: факторы, действия, творения. Что можно сказать против этого деления? Единственное: а как отличить социальное явление от, скажем, химического? Когда H и O как факторы действуют (происходит химический процесс) и получается произведение H_2O , то это явление состоит из тех же логических категорий, что и социальное. “Тройка” Халупного является формулой явления взаимодействия вообще, то есть взаимодействия в природе: силы, их деятельность, результаты. В социально-человеческом явлении взаимодействия, очевидно, участие человека оказывается тем элемен-

том, который отличает социально-человеческое взаимодействие от прочего. Общественный человек — это и фактор, и творение общественно-исторического процесса, как, с другой стороны, он является производением космического процесса, деятельности физико-химических и биологических процессов, о чем нам повествует антропология, а не социология. Психика, сознание отличают человека от животных и растений, отличают от каждого его отдельного собственного акта — от факторов других и от собственных творений. Человек является первым и основным элементом “социологического явления”. Поэтому мы бы написали: существует четыре элемента явления общественного взаимодействия — человек, его действия (поведение), факторы этого поведения, творения его.

В таком виде логические категории охватывают весь объем общественного взаимодействия, который Халупный называет цивилизацией или культурой (эти термины мы рассмотрим позже, трактуя название науки об общественном взаимодействии). Сам Халупный говорит: “Zakladni sociologickon bytosti je tedy clovek” (“Zaklady”)¹, — следовательно, человек является одной из логических общественных категорий, которую нельзя полностью свести ни к одной из других в отдельности.

Несколько иначе определяет социальное явление проф. П.Сорокин в своей “Системе Социологии” (т.1, 1920). Отбрасывая понятия “индивида”, “семьи” как социальных “клеток”, Сорокин формулирует явление взаимодействия в “клетке”, которая должна содержать в себе не менее двух лиц (как обозначают многие ученые — Дюркгейм, Гобле и др.). Всю сложность общественной жизни можно разложить на наименьшие проявления взаимодействия — между двумя индивидами. Взаимодействующая “пара” должна быть принята за модель общественного явления. “Раскладывая взаимодействие на составные части, мы тем самым раскладываем на части наиболее сложные социальные явления” (“Система...”, т.1, с. 81). Чтобы произошло явление взаимодействия, по мнению Сорокина, необходимы следующие условия: “1) Наличие двух или больше индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга; 2) Наличие актов, которыми они взаимообуславливают переживания и поведение; 3) Наличие передатчиков, передающих действия или раздражения ... от одного индивида к другому” (“Система...”, т.1, с.82). Поскольку два первых условия ясны сами по себе, мы на них не останавливаемся, что же касается передатчиков (“проводников”, “кондукторов”), то под ними Сорокин понимает все средства, с помощью которых [действует] энергия раздражения между индивидами (с. 118), причем не только непосредственно взаимодействующих (рядом друг с другом) людей, но и на больших расстояниях и в отдаленных пределах времени. Без передатчиков психическое взаимодействие невозможно, поскольку человек воспринимает внешнюю действительность исключительно через рецепторную систему (органы чувств), все ответы (или реакции) передает только через нее. Непосредственно психику друг друга не переживаем, а только через реакции на раздражение наших рецепторов.

Передатчики Сорокин делит на две группы: просто физические раздражители и передатчики-символы. Одни вызывают чисто физический эффект (напр., удар палкой, телеграфный провод, луч света, звук и т.п.), а вторая группа вызывает реакцию при определенном условии, когда пере-

¹ “Основной социологической категорией является человек” (“Основы”) (чеш.).

датчик символизирует одинаково понятное явление, напр., азбука, звуковой сигнал (труба сигнализирует о наступлении, гудок созывает на работу, выстрел означает время или какое-то событие и т.п.). Сорокин все передатчики делит в зависимости от их природы и характера рецептивных органов человека на: звуковые, световые (и цветовые), механические, тепловые, двигательные, химические, электрические и предметные (“Система...”, т.1, с.124–125). В числе звуковых передатчиков видим язык, музыку, звонки, гудки, выстрелы и т.д. Световые и цветовые — различное письмо (литературное, математическое, нотное, иероглифическое и др.), живопись и многое другое (световые и цветовые сигналы, символические цвета в религиозном культе, “язык цветов” на униформах и т.д.). Среди двигательных видим “язык жестов”, всевозможные молчаливые игры, всю жестикуляцию и деятельность. Предметные передатчики — это все предметы, которые действуют не своими отдельными физическими качествами, а собственно совокупностью их: все предметы материальной культуры являются передатчиками раздражений от индивида к индивиду.

Таким образом, мы видим, что передатчики — это не что иное, как факторы поведения людей: физико-химические, биологические и т.д. К этим факторам относятся и предметы материальной культуры, то есть творения, выступающие в роли факторов. Теория передатчиков П.Сорокина, развитая с известным блеском, раскрывает структуру явления взаимодействия как реального явления, в состав которого входят категории: люди, их действия и передатчики (или факторы). Характерно, что указывая на предметы культуры как факторы, Сорокин не останавливается на том, что эти предметы, прежде чем стать факторами, явились в мир как творения, как продукт деятельности других факторов.

Понятие “передатчиков” у Сорокина охватывает и факторы, и творения. По нашему мнению, подобное сочетание логически не оправданно. Фактор и творение — разные категории, напр., язык как творение различных факторов отличается от них. Что язык становится фактором — это дела не меняет, поскольку качественно творение отличается от тех условий, которые его создали. Если *H* и *O* взаимодействовали, то творение их H_2O отличается от каждого из них. Вода, соединение водорода и кислорода, — это нечто иное, нежели каждый из этих элементов. Поэтому логически деятельность социальных факторов имеет в итоге некие творения, не тождественные факторам, которые их создали. Удивительно, что Сорокин в дефиниции социологии говорит:

“Социология изучает: 1) такие виды поведения людей, где поведение одних является функцией поведения и существования других; 2) явления, возникающие в результате такого поведения. Иными словами: социология есть наука о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия и о результатах такого поведения” (“Система социологии”, т.1, с. 50).

Понятие результатов, как видим, включено в определение предмета социологии, но к результатам относятся как раз все творения. Понятие творений у Сорокина довольно определенное, однако не включено в определение явления взаимодействия.

Понятие творений просматривается в концепции и Дюркгейма, и Солнцева, Бухарина и многих других, кого упоминает Халупный. Интересно то, что и М.Драгоманов в своих лекциях о задачах и конструкции социологии

вполне определенно выдвинул идею творений или “продуктов” общественно-исторического процесса. Его деление социологии на три части таково:

- А — Материал, из которого состоят общества: а) индивиды, б) народности;
- В — Общества: а) их формы — семья, класс, союз государственный, союз межгосударственный;
- С — Продукты общественной деятельности: материальные и духовные¹.

Ценная мысль М. Драгоманова, четко прозвучавшая еще в 60-х годах прошлого века, к сожалению, не была должным образом развернута, однако сама постановка ее уже тогда делает честь остроте его социологического анализа (о чем свидетельствует вся статья о состоянии и задачах науки истории), открытия которого до сих пор не удалось должным образом оформить современной социологии.

Не только о широкой и блестящей постановке этой проблемы можно говорить у д-ра Халупного, но и о ее решении. Хотя мы, как убедимся далее, не во всем согласимся с деталями классификаций Халупного, тем не менее следует признать, что европейская систематически-социологическая мысль нашла свое воплощение в системе этого действительно первого чешского социолога-систематика. Последователи будут в чем-то совершенствовать систематизацию творений и факторов, но в основе останется главное: определение предмета социологии Халупный построил на раскрытии понятия социального явления. Наши критические замечания и незначительные изменения в формулировках — всего лишь связки, а не изменение фундамента, заложенного Халупным. Независимо от Халупного и Сорокин дал близкое к нему определение социального явления, — в результате кропотливой критической обработки мировой социологической литературы.

В чем новизна, данная Халупным? Он первым, насколько мне известно, представил систему социологии, построенную на логических категориях явления взаимодействия, то есть от социально-философского трактования общественной жизни (как повелось от Конта до наших дней) перешел к реально-научному изучению общественного взаимодействия, к критически-систематическому построению социологии как высшей науки об обществе.

Сочетая формулы Халупного и Сорокина, мы принимаем четыре логические категории социальности: люди, факторы, действия, творения.

Подготовка публикации, комментарии — Александр Юренко

*Перевод с немецкого — Виталий Терлецкий;
с французского — Валерий Дехтярь;
с чешского — Александр Заремба*

¹ См.: Драгоманов М. “Положение и задачи науки древней истории // Журнал Минист. Нар. Просв. — 1874. — Октябрь. — С. 152–181.